

§12 ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Розин В. М.

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ «ФОРСАЙТ» ИЛИ ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО?

Аннотация. Статья посвящена двум темам: обсуждению концепции «Форсайт» и ее сравнению с концепцией социального действия, основанной на идеях политики и общества. Параллельно анализируются антропологические трактовки человека в современной философии. Рассматривается отличие политики от социально-инженерного действия. Первое предполагает личность и общество, второе — социального инженера и человека вообще, который обычно понимается как объект этого действия. Социальный инженер решает за других, что им делать и как жить (самостоятельно или опираясь на экспертов), а личность и общество, действуя политически, решают за себя. Социально-инженерное действие опирается на природные закономерности (в данном случае, что такое человек и в каком направлении он меняется), которые формулируются учеными, как правило, ангажированными той же социальной инженерией. Политическое действие в идеале выкристаллизовывается, становится в процессе общения личностей, каждая из которых настаивает на своей версии событий и склоняет к ней других и общество. Методология исследования указанных тем включала в себя: проблематизацию, ситуационный и сравнительный анализ, категоризацию, рассмотрение кейсов. В результате удалось показать, что социально-инженерный вариант «форсайта» имеет ряд недостатков, что рассматривать «человека вообще», а не конкретные типы индивидов и личности непродуктивно, что, вероятно, более перспективно социальное действие, основанное на политике и инициации общества. В настоящее время необходимы конкретные антропологические исследования и осмысление их и тогда, возможно, придет черед обобщениям.
Ключевые слова: форсайт, политика, общество, действие, личность, человек, концепция, следствии, свобода, социум.

Вероятно, не все знают, что такое «форсайт». Да и я познакомился с этой социальной технологией от-носительно недавно, прочитав работы моего новосибирского друга Сергея Смирнова (одна из последних, которую я выше уже

цитировал и буду анализировать, — «Новые идентичности человека. Анализ и прогноз антропологических трендов. Антропологический форсайт. Аналитический доклад. — Под ред. С. А. Смирнова». — Новосибирск: НГУЭУ, 2013). С точки зрения определений, которые можно найти в Интернете, форсайт — это построение образов будущего по отношению к какой-то теме и предмету (в данном случае речь идет о человеке) с использованием экспертного сообщества и различных социальных приемов (технологий). Вот одно из таких определений: «Форсайт — это систематический, совместный процесс построения видения будущего, нацеленный на повышение качества принимаемых в настоящий момент решений и ускорение совместных действий. Идеология форсайта происходит от конвергенции тенденций современных разработок в области политического анализа, стратегического анализа и прогнозирования»¹.

Но авторы доклада дают свою и достаточно развернутую характеристику Форсайта, которая небезынтересна для многих областей науки и практики, где очень важно выработать правильное отношение к будущему². «Если суммировать специфику проведения форсайтных исследований и реализации мировых форсайтов, — пишут они, — то можно выделить несколько базовых отличий форсайта от иных проектов и исследований. 1. Форсайт предполагает обязательно работу с понятиями, с семантикой предмета. Необходимо ясно представить то, что хочется увидеть в будущем... Предмет становится «сложным популятивным объектом», результатом конфигурирования различных

представлений...2. Форсайт работает в длинном лаге, с горизонтом в 20, 30, 50 лет... 3. Форсайт отличается от прогноза тем, что прогноз предполагает линейное движение и изменение готовых объектов при сохранении нынешнего понимания вещей, нынешних скоростей и стилей жизни и проч... Форсайт строится на допущении неожиданных рисков и на конкуренции представлений. За будущее идет борьба. За будущее конкурируют разные группы людей. Поэтому не может быть одной модели и не может быть единственного образа будущего. Их много и все они друг с другом соприкасаются, взаимодействуют и конкурируют. 4. Будущее в этой связи не прогнозируется, оно не является неким отдаленным горизонтом. Будущее рукотворно. Оно конструируется. И за него придется отвечать перед будущими поколениями... будущее не является прямым продолжением прошлого. Будущее может быть радикально иным, не являться результатом прошлого и настоящего...6. А поэтому форсайт предполагает пошаговое движение к будущему. Он предполагает построение дорожных карт к будущему... Многие проекты страдают именно тем, что даже при неплохой проработке образа будущего карты не выстраиваются, а делаются наспех, в формате абы как сляпанных планов мероприятий. Без ресурсов, без ответственных, без положенной карты движения, в которой обязательно прохождение указанных пунктов... форсайтеры вместе с экспертными группами и сообществами должны предложить сугубо практическую альтернативу: если нас не устраивает то настоящее, которое мы переживаем, то что надо делать в ближайшее и отдаленное будущее, чтобы это настоящее изменить? Какие конкретно практики мы предлагаем?»³.

Критикуя распространенное понимание форсайта (это прогнозирование или экспертный опрос), С. Смирнов предлагает рассматривать его как форму социаль-

¹ Что такое форсайт? Попытки определения. Ответ от EU FOREN Guide. <http://stra.teg.ru/library/global/Prognoz/foresight/4>

² Мы вынуждены по всему тексту прибегнуть к обширному цитированию точек зрения авторов доклада, поскольку понимаем, что вряд ли читателю удалось с этим докладом познакомиться.

³ Новые идентичности человека... С. 10–11, 16.

ной инженерии. «Специалисты, — пишет он, — уже давно признали, что если первые форсайты были действительно большей частью работами, связанными с проведением технологического прогноза развития технологий и военно-технической сферы в духе моделей Медоуза, то далее в рамках форсайта все большее место занимает социальная инженерия, выстраивание коммуникаций и социальных сетей. И далее форсайт все более распространяется на экономику, науку, образование, на проведение региональных форсайтов и др.»¹.

Кроме того, в предлагаемый вариант социальной инженерии С. Смирнов вводит традиционную философскую работу. «Методология проекта, — отмечают авторы проекта, — предполагает выявление представлений у экспертных сообществ базовых образов человека, их конфигурирование и построение сопряженных друг с другом образов. Нужно видение человека, выработка у экспертных сообществ этого видения... При проведении конкретных экспертных панелей и дельфи-опроса, при проведении проектных семинаров и игры, фокус-групп необходимо силами экспертов выстраивать новую реальность, то есть в данном случае новую идентичность человека, его будущие образы. Мы полагаем, что в долгосрочной перспективе, с которой имеет дело Форсайт (на срок 2050 год), идентичность человека будет радикально меняться. Будет меняться его образ жизни, его среда обитания, его структуры повседневности, стили жизни, способы обитания. Причем эти предполагаемые образы будущего не должны быть выводимы из наших привычных представлений, в том числе и о будущем»². Для реализации этой второй установки в проект были привлечены известные российские фи-

лософы³ (а позиции других философов, например, М. Фуко, реконструировались по их работам).

Вот здесь у автора и возникает вопрос: как сходятся между собой на таком предмете как антропология социальная технология форсайта и философские антропологические осмысления. Помимо этого вопроса, а точнее проблемы, я хотел бы еще понять, что собой представляет антропологический подход, ведь не просто разговор о человеке или точка зрения субъекта на интересующий нас предмет. Параллельно я намечу своё понимание человека, как оно вырисовывается в авторских исследованиях.

Итак, сходятся ли между собой на таком предмете как антропология социальная технология форсайта и философские антропологические осмысления, ведь известно, что ни философ, то своя точка зрения, свой подход? Каким образом в этом случае выйти на согласованное представление о реальности будущего и человека в нем? Социальная инженерия вроде бы предполагает именно такое согласованное знание. Трудно также предположить, что философы-эксперты и разработчики форсайта, понимающие его как вид социальной инженерии, говоря о человеке, подразумевают одно и то же. Есть еще одна проблема: ряд экспертов-философов, например, О. Генисаретский, В. Подорога, В. Бибихин, если продумывать их методологию, излагают такие взгляды (что видно по тексту доклада), которые в принципе противоречат социально-инженерному подходу.

Судя по всему, в замысле у авторов проекта была надежда, во-первых, на экспертное сообщество, которое должно было выйти на общее согласованное видение, во-вторых, на процедуры синтеза и конфигурирования экспертных знаний. Однако сами авторы, подводя итог своей работы, признают, что экспертное сообщество не удалось сформировать.

³ См. список российских экспертов-философов, приложение пятое. Там же. С. 216–217.

¹ Смирнов С. А. Форсайт: от прогноза к социальной инженерии. В печати.

² Новые идентичности человека. Анализ и прогноз антропологических трендов. Антропологический форсайт. Аналитический доклад. С. 10–11, 16. С. 13, 14–15.

ровать¹. Синтезирование же экспертных знаний, на мой взгляд, выглядит неубедительным, к тому же, похоже, оно осуществлялось руководителем работы, а, следовательно, всегда можно спросить, почему его точка зрения взята за основную. Вот указанный, почти драматический, но очень честный итог.

«Приведенная выше в двух вариантах самодиагностика экспертов показывает нам, как минимум, то, что экспертного сообщества как организованного и объединенного в горизонтальные связи мыслительного единения у нас, конечно, нет. Мы это знали и раньше. Но сейчас это становится, как нам кажется, уже некоей угрозой. Если мы перед лицом современных вызовов, касающихся кардинальной смены идентичности человека, не можем сформулировать позицию, если мы путаемся в словах и блуждаем в трех соснах, и тем самым не можем выработать адекватные ответы на эти вызовы, то это лишний раз говорит о нашей беспомощности, о нашей невооруженности. Мы, претендующие быть интеллектуальной элитой, не просто испытываем дефицит понимания ситуации человека. Мы ее просто не понимаем. А значит, не понимаем себя. И дело не только в том, что мы наблюдаем такую пеструю разногласицу мнений. Дело в том, что разногласица не формирует, не фундирует проектных предложений, не крепит нас институционально и программно. Остается надеяться на то, что ситуация все же заставит нас переходить от такой неопределенности и беспредметности к реальным проектным и программным, системным ответам на радикальные вызовы. Сколько нужно для этого времени? Трудно первые сто лет...»².

¹ Слово эксперт произошло от греческого «знаток». Смысл общественной экспертизы состоит не в том, чтобы выйти на согласованное знание, а наоборот, чтобы получить веер разных суждений и мнений экспертов, причем предполагается, что эксперты, например ученые, хотя реально могут принадлежать одному сообществу, тем не менее, имеют разные взгляды на интересующий вопрос.

² Там же. С. 184.

Если же говорить более широко об экспертном сообществе, т.е. не только о философах, то оценку российского экспертного сообщества довольно верно дают сами авторы доклада. «В России проблема экспертного сообщества по-прежнему остается нерешенной, хотя и в нашей стране проект долгосрочного прогнозирования уже развивается на протяжении 5 лет. Для российского экспертного сообщества характерно принятие решений в рамках узких групп влияния, а не в пространстве широкой коммуникативной платформы, количество устойчивых площадок, центров прогнозирования явно недостаточно. Причины этого можно найти и в ментальности российского экспертного сообщества и в низком уровне инновационной активности российских компаний, однако кажется справедливым предположить, что в России принципиально по-иному выстроены взаимоотношения между научно-технологическим, государственным и бизнес-секторами. Россия в силу своей национальной, государственной, политической экономической специфики не является столь гомогенным обществом с высоким кредитом доверия государству, как Япония, кардинально отличается Британия, где малый бизнес не так далек от государства, как в нашей стране, и не интегрирована в масштабное единство Европейского пространства, как Германия. Инициатива государства в деле долгосрочного прогнозирования — это то, с чего начинала каждая из этих стран, однако в дальнейшем каждая из них избрала свое направление инновационной деятельности, и логично предполагать, что российский форсайт также должен быть методологически и организационно быть адаптирован под российский контекст. В противном случае разрыв между теорией и практикой, «верхами» и «низами», где, по сути, и реализуются рекомендации — результаты форсайта аннулирует многолетнюю работу и финансовые инвестиции в сбор, анализ и описание возможных сценариев будущего нашей страны»³.

³ Там же. С. 79.

Есть и еще одно затруднение. Один из экспертов, а именно, известный футуролог С.Б. Переслегин, утверждает, что форсайт может строиться лишь в контексте управления, причем замыкающим контуром последнего является мировая элита, заинтересованная в формировании управляемых обществ. Тренды развития, с опорой на знания которых должны создаваться форсайты, говорит С. Переслегин, все «проектно организованы. И это есть работа мировых элит по созданию управляемых форм общества... Всё же остальное, касающееся изменения типов социальности, образа жизни, становится следствием первого главного тренда — тренда по созданию управляемого общества. Современное общество переходит ко всё более и более управляемым версиям демократии, ко всё более и более толерантным культурам, ко всё более и более бессмысленному образу жизни, в котором мы оперируем фрагментами жизни, а не живыми смыслами»¹. «Таким образом, — комменти-

¹ Там же. С. 87. В наших с Л. Г. Голубковой работах по управлению мы приходим к тем же самым выводам. Сравни: «Судя по характеру многих решений, начиная от “реформы” нашей промышленности, кончая вступлением во ВТО, “объемлющим контуром управления” выступают даже не российские структуры и организации, а транснациональные (финансовый мировой бизнес и корпорации). Но кто, спрашивается, принимает данные решения, кто их субъект на самом высоком последнем уровне? Может быть, Обама, или Джорж Сорос? Нет, скорее бессубъектная структура, “социальная ризома”, живущая, не только на людях и формальных субъектах управления, но также на различных международных и национальных институтах и связях. Эта структура и организм (назовем их условно «Финансово-корпоративным солярисом») заинтересованы в исчезновении национальных границ, формировании мирового хозяйства и экономики, свободном передвижении капиталов и других ресурсов, правильном и мирном, с его точки зрения, поведении людей. Возможно, заинтересован этот монстр и в том, чтобы мы с вами не понимали, что происходит на самом деле (такими людьми легче управлять), и в том, чтобы верили в мировые заговоры (так легче отводить от себя догадки), и в том, чтобы мы сидели в Интернете день и ночь. Когда мы бежим все быстрее и быстрее, изо всех сил стараемся быть креативными, посылаем вместо себя пустые дубликаты, то естественно вписываемся в мировой процесс

руют авторы доклада, — данный методологический пример показывает нам иной опыт работы по аналитике и диагностике трендов: 1) аналитика трендов встроена в более широкую рамку форсайта как особой методологии и технологии конструирования образов будущего; 2) в рамках этой методологии тренды, их направленность и характер во многом имеют искусственную природу; они связаны с определенной политикой мировых элит, направленной на формирование управляемых обществ; 3) поэтому наряду с аналитикой трендов необходимо обсуждать и вопрос о построении трендов, о запуске трендов, об управлении трендами»².

Но если авторы понимают, что тренды развития «связаны с определенной политикой мировых элит, направленной на формирование управляемых обществ», то, как в этом случае возможен социально-инженерный подход, не собираются же разработчики российского антропологического форсайта воздействовать на мировые элиты? Более того, из приведенной выше оценки российского экспертного сообщества следует, что и на российские элиты воздействовать очень проблематично, а может быть, и вообще невозможно. Особенно показателен в этом смысле опыт конфликта России с Украиной, где мы видим, что судьбоносные решения для жизни страны принимаются, с одной стороны, Президентом

становления Финансово-корпоративного соляриса, поддерживаем его. Но, конечно, не на стороне хозяев этого процесса, а того антропологического субстрата и массы, которые унавоживают подобное становление. Финансово-корпоративный солярис растет на международной торговле и разделении труда, на экспансии западных технологий и производств, на распределении и потреблении созданной продукции, но не меньше на нашем участии во всем этом. Последнее же предполагает, что включенные в эти процессы индивиды должны действовать как бы автоматически, не размышляя над смыслом, целями и направлением движения, в которое они включены» (Розин В. М., Голубкова Л. Г. Парадоксы современности или дефицит как форма власти // Культура культуры. 2014. N4.

² Новые идентичности человека. Анализ и прогноз антропологических трендов. С. 88.

без всякого совета со стороны российских элит и специалистов, а с другой — полевыми командирами типа Александра Борода¹.

Но пока мы обсуждали вопрос в общем виде, как бы по поводу любого явления, а ведь речь в данном проекте идет конкретно о человеке и антропологическом подходе (кстати, вероятно, это не одно и то же — человек и антропологический подход). Может быть, это уточнение предмета прояснит ситуацию и снимет возникшие проблемы? Посмотрим, как авторы проекта ставят вопрос о предмете, подлежащем обсуждению (они называют это проблемой и ситуацией). «Экспертное сообщество, — пишут они, — в разных вариациях фиксирует проблемную ситуацию, которая складывается вокруг главного субъекта изменений в мире — самого человека, его собственной идентичности. Проблемность ситуации заключается в следующем:

- базовые привычные представления о человеке уходят в прошлое; человек испытывает радикальные изменения, касаемые как его социальных форм идентичности, так и физической, телесной, гендерной форм; привычный образ человека скоро придется записывать в Красную книгу и создавать Музей Человека;

- эти тренды радикальных изменений человека убыстряются не сами по себе, а при

активном участии самого человека: наблюдаются все более участвующие практики трансгрессии, суицидальные явления, поведение, связанное с агрессией, с уничтожением среды, в котором находится человек и самого человека — явления все более часто наблюдаемые и фиксируемые; в общем и целом тренд на самоуничтожение человеком самого себя и привычных институтов существования, которые крепят человека (семьи, брака, морали, права, образования, культуры, базовых ценностей и др.), становится все более ярко выраженным;

- проблемность усугубляется тем, что мировое экспертное сообщество пока не выработало согласованного видения того, что с этими изменениями можно и нужно делать, каких можно адекватно описать и какие рядом предложить новые образы и представления о человеке; эксперты не имеют ни ясных новых представлений о человеке, ни тем более согласованного видения; само экспертное сообщество испытывает двойной дефицит — дефицит антропологического дискурса, который не выстроен и дефицит институционального единства, которое отсутствует. В этой ситуации различные экспертные группы ставят перед собой вопрос: возможна ли антропологическая альтернатива? То есть такая перспектива существования человека, которая:

- задает иной противоположный тренд изменения человека — изменения, направленного не на самоуничтожение, а на преобразование человека; влекут ли изменения человека, коль скоро они неизбежны, за собой уничтожение человеком самого себя и среды, в котором обитает, или эти изменения можно повернуть в позитивное конструктивное созидательное русло?

- предполагает формирование нового Образа человека, нового Образа будущего человека? Образа будущего, которое рукотворно и создается им самим?

- предполагает новую антропологию, новое понимание человека взамен уходящим конструктам и концептам прошлых эпох, ко-

¹ Гл. редактор «Новой газеты» Дмитрий Муратов на программе «Особое мнение» «Эхо Москвы» от 7 августа вот что говорил о судьбе Александра Борода, известного московского пиарщика, гражданина России: «Она, конечно, связана с трагической судьбой малайзийского Боинга. Мне известно, что Александр Бородай позвонил руководителю одного из основных СМИ, которое освещает события на Украине через 40 минут приблизительно после того, как Боинг погиб, и сказал, что «наверное, мы сбили гражданский самолет»... На Бородае лежит гигантская ответственность за пролившуюся кровь. Он не сохранил Донецк в неприкосновенности, он позволил, что в Донецке будет война, где стреляют и в ответ и без разбора, поэтому судьба Борода, конечно, чрезвычайно печальна» (<http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1373814-echo/#element-text>).

торы (концепты) и привели к суицидальному состоянию современного человека»¹.

Обратим внимание на несколько моментов. Прежде всего, человек, во всяком случае в данном фрагменте текста, понимается авторами проекта достаточно традиционно, т.е., с одной стороны, он включен в естественные процессы изменения (тренды), с другой — он активный, деятельностный субъект (поэтому способен к преобразению и созданию правильного себя), с третьей стороны, человек как-то связан с обществом (в данном случае в лице экспертных сообществ, хотя, судя по выводам исследования, вряд ли они могут это общество представлять). По-разному, но все эти три трактовки оправдывают социально-инженерный подход к человеку. В первой ипостаси (тренды) человек может быть представлен и изучен как естественный процесс, и затем эти знания должны позволить правильно действовать социальному инженеру в его задаче формирования нового человека. Во второй (человек как субъект собственного преобразования, по сути, выступающий в роли личности) социальный инженер должен учесть эту встречную активность человека и постараться поставить ее на службу себе; известно, что изменить человека может только он сам, но можно склонить его к такому изменению, которое нужно обществу. В третьей ипостаси (человек и общество) именно общество должно указать социальному инженеру, какой человек нужен.

Второй момент. Кризис, который констатируют авторы доклада, можно понимать двояко. Одно понимание: кризис не затрагивает саму сущность человека, иначе, каким образом последний способен к преобразению и созданию самого себя, правильного, отвечающего вызовам времени. Другое понимание: этот кризис затрагивает, меняет сами антропологические основы, другими словами, мы уже не имеем дело с человеком в традиционном понимании; но тогда в каком

смысле «преобразование», будет ли «человек» (или какое-то новое существо) вообще к этому склонно? Не обнаруживаем ли мы в этой ситуации становления чего-то нового, что человек не образует целого. В этом случае, вопрос: в какое целое (целые) включен человек, и какие ситуации (познавательные или практические) позволяют нам идентифицировать нужное целое?

Третий момент. Почему это авторы доклада предрешают вопрос о целях социального действия — «преобразование»? Обращу внимание, что только один эксперт-философ (а именно, С. С. Хоружий) серьезно доказывает, что сущность человека состоит в преобразении. Вот его взгляды на этот счет в изложении одного из авторов доклада. «В современной ситуации как раз и обостряется необходимость выстраивания антропологической стратегии, направленной на трансформацию человеком своего энергийного образа, данного ему в бытии. Эта трансформация идет по ступеням (лествица) и восходит к высшему состоянию или телосу практики. Этот телос в восточно-христианской традиции понимается как обожение или совершенное соединение всех энергий человека с Божественной энергией, Благодатью.

Обретение телоса означает изменение самого способа бытия, реальную онтологическую трансформацию. Соответственно духовные практики становятся мета-антропологической стратегией. Поэтому духовная практика не может быть выстроена человеком сугубо индивидуально, из своего эмпирического опыта. Движущей силой преобразования является внеположенный источник, онтологический движитель, который пребывает за пределами энергийной границы. Индивид не может держать «азимут онтологической альтернативы». Компас, показывающий движение преобразования, находится не в руках индивида, а в руках Личности, то есть лица не от мира сего...

Хоружий принципиально настаивает на том, что без горизонта онтологического

¹ Там же. С. 9.

Иного никакое преобразование невозможно. Поэтому опыт трансгрессии у Фуко и Батая — это полезный опыт, но он не вполне онтологичен. Он радикален (как радикальна, например, практика суицида), но он не ведет к преобразению. Он ведет к самоубийству, к самоуничтожению. Антропологическая граница в принципе невозможна без идеи Бытия и его онтологических аналогов (Бога, Абсолюта или в целом символического горизонта) ... Хоружий утверждает в логике антропологии границы, что человек современный катится по лестнице вниз, по нисходящей. Его проявления бытия на границе редуцируются до других крайних вариантов — онтологическая граница заменяется либо границей бессознательного (большой проект XX века, введший многих в заблуждение), либо границей виртуального (что еще более загоняет человека в мир заменителей реальной жизни, мир имитаций и симулякров). Главным противопоставлением этому нисхождению человека может стать, полагает Хоружий, парадигма духовной практики, в которой человек переживает автотрансформацию, изменение себя самого. Последнее возможно лишь при рассмотрении человека не субстанциально, не как того, который обладает некоей сущностью, а как того, который представляет ансамбль, конфигурацию энергий, обладает «энергичным образом». Это изменение способа бытия есть подвиг, предполагающий вполне определенные практики и техники»¹.

Нуда, С. Хоружий — христианин, причем одновременно прекрасный философ, а традиция «разумного христианства», идущая, как показывает С. Неретина, еще от средних веков, действительно, ставила «преобразование» в центр христианского спасения. «Без парадоксов преобразования, — пишет Библер, рассматривая взаимоотношение в средневековой культуре двух культур («высокой» церковной, ученой и «низкой», народной), а также двух голосов («Схоласта» и «Простеца»), — тут никак

не обойтись. Ни в реальной жизни средневековья, ни в исследовании этой жизни. Когда Цезарь Ареатский пишет: «Мы так же должны заботиться о душе, как возделываем свои поля», когда он говорит о душе человеческой как о «поле Господа», то это не просто ориентация на то, что слушатели его «сельские жители Южной Галии» <...> Предполагаю, что как раз этот момент «преобразования» решающе значим в средневековой культуре <...> там (в «высокой» литературе) само «сознание простеца» взято в момент преобразования или в итоге преобразования в горизонте личности»².

Почему, спрашивается, чтобы решить проблемы, стоящие перед современным человеком и не только человеком (обществом, культурой), нужно именно преобразование? К тому же разве на преобразование (или как считает Хоружий, на духовный «подвиг»), способны многие? Очевидно, что нет, это удел немногих, а к тому же, как мы поняли, глубоко верующих. А ведь идеология фарсайта вроде бы должна относиться ко всем. Или не ко всем? И что тогда делать с остальными: дать им идти своим путем, пусть погибают?

Следующий вопрос: примерно понятно, что такое преобразование для верующего человека — метаморфоз личности, когда она встречается с Богом (см. описание «внутреннего человека» в «Исповеди» Августина или благодати в православии), но что это такое для обычного современного человека, которого имеют в виду авторы фарсайта? Преобразование, отвечают авторы проекта (похоже, С. Смирнов), — это организация личностью перехода от современного ее состояния в состояние желаемое, хотя прийти при этом личность может не совсем туда, куда она идет.

«Сценирование будущего человека на языке геной инженерии или биотехнологий, на языке технологических изобретений (имплантанты, генные изменения, феномены

¹ Там же. С. 29–31.

² Библер В. С. «Образ простеца и идея личности в культуре средних веков» // Человек и культура. М., 1990. С. 105, 106, 109–110.

киборгов и мутантов, клонирование, искусственные органы, вживленные в мозг чипы и проч.) — это тупиковые ходы, потому что касаются внешне телесных и поведенческих изменений, внедрений изобретений инженерной и биологической мысли в тело человека, но они не касаются базовых вещей — мышления, памяти, воли, воображения, восприятия и главное — не касаются тех культурных практик, благодаря которым человек становится самим собой, тем, кем он хочет быть и кем ему указывает быть культурная рамка, система культурных образцов. Они будут меняться, меняться будет рамка, будет меняться культурный контекст, будут сменяться социальные формы и идентичности, но все равно будут задаваться некие ориентиры, относительно которых необходимо будет самоопределяться. А потому необходимо ставить по-новому проблему этого онтологического самоопределения на языке уже трансфессии, постоянного пребывания в переходе. Самое сложное в трансфессии (и соответственно в гуманитарном форсайте) — это выработка и составление человеком плана-карты и навигатора собственного преобразования, то есть антропоидного картоида. Составление подобного навигатора и есть дорожное картирование в гуманитарном антропологическом форсайте...

Но в отличие от карты, с помощью которой можно перемещаться по незнакомой местности, умея читать условные обозначения на ней, картоид означает не местность, то есть территорию, отделенную от меня, он обозначает меня самого, то есть часть меня, совершающего акты переходов. Это бортовой журнал, дневник моих наблюдений за актами моего преобразования. Человек перехода строит не карту, а картоид, представляющий собой органический сплав, амальгаму культурного тела, в котором соединены новое обретенное тело личности человека перехода, выделяемое в актах перехода, и собственно сами акты этого перехода, наносимые на карту... Картоид становится не усилением естественного органа, а тем культурным медиатором, с по-

мощью которого я совершаю преобразование, а с другой стороны, — он становится средством фиксации, способом визуализации этого преобразования. Внешне это выглядит как татуировка на теле, которая читается, имеет шифр, код для прочтения. Но внутренне картоид в отличие от татуировки означает структуру моего преобразования, а не просто внешние символы, по которым я могу прочесть о принадлежности обладателя татуировки к тому или иному племени. Итак, антропоидный картоид — это:

1. Знаково-символический посредник между мною этим и мною тем, совершающим акт перехода. Я совершаю акт перехода-преобразования, рисуя как бы себя завтрашнего, переношу себя в завтра и всякий раз фиксирую момент изменений, делая пометки-зарубки на своем культурном теле.

2. На картоиде наносятся рефлексивные мысли-треки, фиксирующие акты-ходы переходов. Эти треки наносятся на внешнюю доску мышления.

3. Картоид становится частью моего нового тела, культурного тела, органа, которое я могу при этом видеть как себя-другого, видеть треки-переходы.

4. Картоид — сконструированный способ переходного действия в зоне с непредсказуемыми последствиями, с непредвиденным результатом.

5. Картоид становится средством-оснасткой, а не целью. Главное — не перейти и достигнуть, а перейти-преодолеть. Акцент делается не на цели перехода, а на оснастке, чтобы преодолеть переход. Потому что результат перехода не предсказуем, он не ясен в своем результате...

Метафорическим примером такого движения по неизвестной местности могут быть действия Сталкера в известном фильме А. Тарковского. Эта метафора хромает, но она показывает тот путь в неизвестной Зоне, которая меняется всякий раз при действии героя»¹.

¹ Новые идентичности человека. Анализ и прогноз антропологических трендов. С. 193–195.

Что можно понять, обдумывая изложенную концепцию (а это, стоит признать, настоящая антропологическая концепция)? Во-первых, что преобразование совершается самой личностью. Хотя авторы указывают на культурные практики и ориентиры, обуславливающие преобразование (их оппоненты «не касаются тех культурных практик, благодаря которым человек становится самим собой, тем, кем он хочет быть и кем ему указывает быть культурная рамка, система культурных образцов»), непонятно, что собой это «обуславливание» представляет. Более того, основные характеристики человека в проекте заданы независимо от культурных контекстов и практик. Человек или выступает просто как социальный индивид или как личность, способная к самоопределению, рефлексии, деятельности, даже преобразению. Опять же, много ли, спрашивается, мы может найти таких личностей?

Во-вторых, куда идет личность, претерпевающая и конституирующая свое преобразование? Ответ такой: личность должна выбрать переход к жизни (преобразование), а не к смерти человека (кенозис). «Нужно представить человеку антропологическую альтернативу преобразования в виде разнообразных энергичных антропопрактик в образовании, искусстве, науке, технике. Гарантий нет. Но шанс есть... человек как энергичное существо, способное осуществлять практики преобразования и преодолевать самоубийственный сценарий, который всегда будет испытывать человека, но тот умеет находить против него противоядие»¹. Даже если добавить сюда ситуацию и проблему, обсуждаемые в начале доклада по поводу человека, все равно неясно, что конкретно должен делать человек для своего преобразования, и куда он идет?

Теперь такая проблема. Вопрос в форсайте ставится о человеке вообще, его кризисе, гибели и преобразении, но на преобразование способна только личность. Кому-то может

показаться, что это одно то же: личность — одна их характеристик человека. Однако это не так, например, О. Генисаретский говорит не о человеке вообще, а именно о личности. Личность же, как точно отмечает В. С. Библер, — это не простой человек, а индивид, способный к самодетерминации и преодолению социальной и культурной обусловленности. Как я показываю в своих работах, личность складывается только в античной культуре, когда отдельные индивиды (Сократ, Платон и т.д.) переходят к самостоятельному поведению, противопоставляют себя обществу (т.е. преодолевают культурную обусловленность), пытаются выстраивать свою жизнь. Личность — не просто человек, а новый антропологический тип и новый тип социальности. Становление личности — длительный процесс, растянувшийся от античной культуры вплоть до нового времени. Стоит обратить внимание, что только у Канта мы встречаем определение личности и обсуждение ее характеристик. Так вот, во-первых, не каждый человек личность, во-вторых, часто человек ведет себя не как личность, хотя в других ситуациях он проявляет себя как личность, в-третьих, только личность способна на преобразование или, как писал С. Киркегор, на «второе рождение».

Итак, стоит различать человека вообще, как концепт социальной инженерии, в рамках которого предполагается, что люди — природные образования (в смысле второй природы), и поэтому обладают общими закономерностями развития и строения, и личность, которая принципиально — не природное образование. Как способная к самодетерминации и выстраиванию собственной жизни, личность, становясь в разных социальных условиях, допускаемых современной цивилизацией, складывается в разные типы и целостности. В этом плане каждая личность — это самостоятельный мир, и эти миры не могут быть редуцированы до «человека вообще», а, следовательно, не попадают под компетенцию социальной инженерии.

¹ Там же. С. 165.

Но ситуация еще сложнее. Как показывает Ханна Арендт личность, политика и свобода — три стороны одного целого. Не социальная инженерия, а политика является тем социальным действием, в контексте которого инициируется новое и, вероятно, возможно преобразование. Личность в античности, показывает Арендт, это индивид, который, с одной стороны, избавлен от жизненной необходимости, поскольку он домохозяин и владеет рабами, с другой стороны, вне дома в публичном пространстве участвует как равный с равными в принятии социальных решений, затрагивающих судьбы полиса. Под политикой Арендт понимает совсем не то, что имеет в виду современный человек, слушающий по радио и телевидению выступление политических деятелей. Для Арендт политика предполагает личностное свободное поведение и действие (поступок), причем такие, которые, во-первых, ориентированы на социальные изменения, во-вторых, так сказать, интересубъективны, т.е. могут достигнуть своей цели только при поддержке других личностей (общества)¹. «Греческое слово ἀρχεῖν, — пишет Арендт, — охватывающее значение «начинать», «вести за собой», «править» (т.е. все, что отличает свободного человека), свидетельствует о таком опыте, в котором состояние свободы и способность начинать нечто новое совпадали. Как мы сказали бы сегодня, свобода переживалась в опыте спонтанности. Это разностороннее значение слова ἀρχεῖν указывает на следующее: только те могли начать нечто новое, кто уже являлись правителями (а именно главами домохозяйств, правящими рабами и семьей) и тем самым освободились от оков жизненной необходимости, чтобы заняться свершениями в далеких землях или гражданскими делами в полисе; в обоих случаях они уже не правили,

¹ Характеристики свободного античного человека по Арендт совпадают с моей характеристикой «становящейся античной личности» (см. Розин В. М. Личность и ее изучение. М., 2004, 2012).

а были правителями среди правителей, вражались в кругу себе равных и, в качестве лидеров, заручались их помощью, чтобы начать нечто новое, новое предприятие. Ведь только с помощью других мог ἀρχεῖν, правитель, начинатель и лидер, действовать по-настоящему, πρᾶττεῖν, довести до конца то, что он начал»².

К достаточно близким представлениям я вышел в своих культурологических исследованиях общества. Понять, что такое общество, можно рассматривая социальный статус и бытие человека в культуре. В одном отношении в рамках социальных институтов человек выступает как социальный актер, выполняя определенные роли. Но в рамках общества человек является в другой ипостаси: он становится условием развития культуры, презентующим всю социальность. Когда в «Политике» Аристотель пишет, что человек по своей природе есть существо общественное и политическое, он, по сути, говорит о том же. Чтобы пояснить это второе понимание человека, рассмотрим одну иллюстрацию.

Образованию в XV веке империи ацтеков предшествовала следующая история. В начале XV века мексика жили в небольшом царстве. После избрания королем Итцкоатла, около 1424 года, мексика оказались перед трагическим выбором: или признать власть Максила, тирана соседнего государства, или начать против него войну. Перед угрозой уничтожения король и мексиканские господа решили полностью подчиниться тирану, говоря, что лучше отдаться всем в руки Максила, чтобы он сделал с ними все, что пожелает, а быть может, Максил их простит и сохранит им жизнь. Именно тогда слово взял принц Тлакаэцель и сказал: «Что же это такое, мексиканцы? Что вы делаете? Вы потеряли рассудок! Неужели мы так трусливы, что должны отдаться жи-

² Арендт Х. Что такое свобода // Между прошлым и будущим. М., 2014. С. 251.

телям Ацкапутцалко? Король, обратитесь к народу, найдите способ для нашей защиты и чести, не отдадим себя так позорно нашим врагам». Воодушевив короля и народ, принц Тлакаэзель получил в свою власть управление армией, укрепил и организовал ее, повел на врага и разбил тирана¹.

Продумаем этот случай. Король и мексиканские господа представляют собой общество: на собрании вопрос о судьбе страны они решали вне рамок государственных институтов, это было именно общественное собрание, где важно было убедить других (короля, жрецов, господ, народ — это все различные общественные образования, субъекты), склонить их к определенному решению и поступку. При этом в ситуации, угрожающей гибелью всех, каждый активный участник собрания становился как бы равным другому (например, принц королю). Но дальше формируется «консолидированный субъект» — король и принц Тлакаэзель, возглавившие мексиканских господ и армию и организовавшие поход против тирана. При этом важно, что социальное действие осуществляется уже в рамках и с помощью социальных институтов — армии и жрецов. Если забежать вперед во времени, вплоть до нашей культуры, то можно понять, что собой представляет общество.

Оно состоит из «общественных образований» (например, партий, союзов, групп, отдельных влиятельных личностей и т. д.), которые обладают способностью вести борьбу, формулировать самостоятельные цели, осуществлять движение по их реализации, осознавать свои действия. Общество образует некую целостность, обладает своеобразным сознанием, создает поле и давление, в рамках которых действуют общественные образования и социальные субъекты.

¹ Леон-Портилья М. Философия нагуа. М., 1961. С. 266–275.

Именно в обществе формируется личность (то есть человек переходящий к самостоятельному поведению, создающий индивидуальный, не совпадающий с общественным культурный сценарий и картину мира) и на ее основе отдельные группы, союзы, сообщества, партии, преследующие самостоятельные цели. Имея общий «плацдарм жизни» и социальные ресурсы, общественные образования взаимодействуют друг с другом, пытаются склонить других участников общественного процесса, к нужным для себя результатам. В результате этого политического процесса и складываются общественное мнение и решения.

Если говорить об обществе в теоретической плоскости, то можно выделить следующие три его характеристики. Первая: общество имеет два основных режима — активный и пассивный. В пассивной «общество спит» в том смысле, что, поскольку социуму ничего не угрожает, общество бездействует, кажется, что такой реальности нет вообще². Но в ситуации кризиса социума, его «заболевания», общество просыпается, становится активным, начинает определять отношение человека

² Известно, что российское общество расколото и подавлено властями, которые считают такое положение дел — необходимым условием управления нашим темным населением. Но оно не мертво, как недавно в «Эхо Москвы» утверждал Леонид Радзиховский. «В России, — говорил он, — некому и нечего демонстрировать. Общество наше абсолютно мертвое. Поэтому никакие НАТЫ его не разбудят. Это предполагает постепенное на разных уровнях в разных формах давление политическое, экономическое, информационное и так далее. По отношению к России. Я думаю, что нет такого какого-то четкого плана, вот шаг за шагом, вот это мы сделаем в таком году, это в таком. И в итоге мы режим обрушим. Такого плана я думаю, у них конечно нет. Но общая установка на то, что нам с существующим в России режимом больше не по пути, эта установка я думаю, у них есть. А есть установка, она будет проявляться разными способами на разных местах» (<http://echo.msk.ru/programs/personalno/1380744-echo/>). Российское общество скорее больно, о чем свидетельствует поддержка населением нашей власти, нарушающей международные и собственные законы. Но сегодня общество болеет и спит, а завтра может пробудиться и начать исцеляться.

культуры к различным социальным реалиям и процессам.

Вторая характеристика — наличие у представителей культуры представления о взаимозависимости, а также социальном устройстве, понимаемые, конечно, в соответствии с культурными и индивидуальными возможностями сознания отдельного человека. Каждый человек культуры в той или иной степени, кто больше, кто меньше, понимает, что он зависим от других, что культурная жизнь предполагает совместную деятельность, подчинение, взаимопомощь, что все эти отношения обеспечиваются общественными институтами.

Третья характеристика общества — общение. В ситуациях кризиса или заболевания социума люди переходят к общению, то есть собираются вместе вне рамок социальных институтов и главное пытаются повлиять на общественное сознание друг друга с целью его изменения¹. Результатом эффективного общения, как правило, является сдвиг, трансформация общественного сознания (новое видение и понимание, другое состояние духа — воодушевление, уверенность, уныние и т.п.), что в дальнейшем является необходимым условием перестройки социально значимого поведения. В этом смысле общество напряжено (структурировано) силовыми линиями поля социума, куда всегда возвращаются общающиеся (чтобы продолжить функционирование в соответствующих институтах). Но одновременно само общество есть своеобразное

поле, силовые линии и напряженности которого задаются текущим взаимодействием (общением) всех участников, которые «здесь и сейчас» сошлись на общественном подиуме.

Каким образом, учитывая общество, нужно рассматривать человека? Он уже не субстрат культуры, а потенциальный носитель всей социальности, а также будущего социального устройства. Именно его активность, направленность и взаимодействие (общение) в рамках общества определяют возможную в перспективе структуру культуры, возможную в том смысле, что новая культура состоится (при этом возможность перейдет в действительность), если имеют место и другие необходимые для формирования культуры предпосылки (семиотические, ресурсные и прочее). Такой человек, назовем его «латентной личностью» является самостоятельным социальным организмом, живущим, однако, и это существенно, в лоне культуры.

Говоря о свободном античном человеке (равном среди равных), который начинает новое и с помощью других доводит это начинание до конца, Ханна Арендт, на мой взгляд, в других понятиях указывает на личность и общество. Но, кроме того, она показывает, что оба они живут и практикуют в пространстве политики. И не просто практикуют, политика выступает неотъемлемой средой личности и общества.

Чем политика отличается от социально-инженерного действия? В каком-то смысле всем. Первое предполагает личность и общество, второе — социального инженера и человека вообще, который обычно понимается как объект этого действия. Социальный инженер решает за других, что им делать и как жить (пусть даже опираясь на экспертов, но мы видели, кого они представляют), а личность и общество, действуя политически, решают только за себя. Социально-инженерное действие опирается на природные закономерности (в данном случае, что такое человек и в каком направлении он меняется), которые, как показывает анализ, формулируются учеными,

¹ Ю. Н. Давыдов, рассматривая в Новой Философской Энциклопедии понятие «общество» точно подмечает обе указанные здесь характеристики: «ОБЩЕСТВО (лат. *societas* — социум, социальность, социальное) — в широком смысле: совокупность всех способов взаимодействия и форм объединения людей, в которых выражается их всесторонняя зависимость друг от друга; в узком смысле: генетически и/или структурно определенный тип — род, вид, подвид и т.п. общения, предстающий как исторически определенная целостность либо как относительно самостоятельный элемент подобной целостности» (Давыдов Ю. Н. «Общество» // НФЭ. Т. 3. М., 2001. С. 132).

как правило, ангажированными той же социальной инженерией. Политическое действие в идеале выкристаллизовывается, становится в процессе общения личностей, каждая из которых настаивает на своей версии событий и склоняет к ней других и общество.

Но как быть, если власть, элиты и государство научились управлять обществом и личностью, вмняя им нужные для себя представления с помощью СМИ, пиара, идеологии? Сохраняется ли при этом политика как социальное действие и свобода? С одной стороны, они действительно скукоживаются и хиреют. Либерализм, показывает Арндт, сведя политику к экономическому поддержанию жизни, по сути, сделал их невозможными. «Это, разумеется, — пишет она, — одна из основ либерализма, который, несмотря на свое название, внес вклад в изгнание свободы из политической сферы. Ведь согласно этой же философии задачей политики должно быть исключительно поддержание жизни и защита ее интересов. Так вот, там, где на карту поставлена жизнь, всякое действие по определению подчинено необходимости, а для обеспечения жизненно необходимого лучше всего подходит гигантская и все растущая сфера социальной и экономической жизни, затмившая с приходом Нового времени политическую сферу. Похоже, что по-настоящему политической осталась только внешняя политика, поскольку в отношении между нациями по-прежнему вовлечены вражда и симпатия, несводимые к экономическим факторам. Но даже здесь преобладает веяние рассматривать международные проблемы и соперничества держав, исходя из того, что в конечном счете за ними стоят экономические факторы и интересы»¹.

С другой стороны, периодические революции (последняя на Украине) все же демонстрируют, что политическая реальность, хотя значительное время может быть подавлена и контролируется, но в ситуациях подлинного

кризиса, когда давление в котле вот-вот разорвет его, снова выходит на поверхность социальной жизни и начинает править бал.

Наиболее близкие к концепции Арндт, да и моим представлениям взгляды О. Генисаретского. Вводя понятия «антропосинтеза», «инкультурации», «процепции» и другие, Генисаретский, по сути, отрицает социально-инженерный подход к человеку. Одновременно он фактически показывает, что, во-первых, социальная инженерия — одна из антропопрактик среди многих других, во-вторых, что в отношении к человеку более важны не социально-инженерные установки, а культурные и гуманитарные, в-третьих, что речь должна идти не о человеке вообще, а о личности, в-четвертых, что изменение человека — не продукт какой-то одной антропопрактики, а сложного процесса, куда обязательно входят и работа личности, и усилия общества и социума в лице его институтов. Вот краткое изложение в докладе взглядов Генисаретского.

«О.И.Генисаретский вводит понятие антропосинтеза, означающего собирание образа человека в различные культурные эпохи... отмечает, что за последние 25 лет XX века сложилась новая парадигма... Она характеризуется поворотом от позитивистского, натуралистического проекта — к гуманитарному проекту наук об обществе и человеке. С этим связано интенсивное развитие всевозможных гуманитарных практик (коммуникативных, обучающих, развивающих, терапевтических) ... и интенсивном распространении их на другие сферы публичных коммуникаций (реклама, политика, бизнес). Гуманитарные разработки при этом осуществляются в русле широкого проектного движения, в рамках культурного и социального проектирования.

На этом фоне формируется пестрое поле разных идей и образов человека, пространство практик личностного роста, разнообразие трактовок человеческой, культурной субъективности. Вся эта пестрота осложняет работу по вычленению собственно гуманитарной составляющей, которая растворяется между

¹ Арндт Х. Что такое свобода // Между прошлым и будущим. С. 235.

науками, искусствами. Гуманитарная составляющая означает понимание личности как особой экзистенции, указывает О. И. Генисаретский, самодостаточной реальности, которая нуждается в институтах поддержки, не выводится напрямую из них и способна выживать и развиваться самостоятельно в любых условиях. Именно феномен личности как особой культурной формы ее архитектоники и культурных практик ее образования и является новым предметом нового «гуманитарного ренессанса», отмечает О. И. Генисаретский...

С этим связана некая экзистенциальная самостоятельность личности, воплощающаяся в признании психопрактик личностного роста, которые разворачиваются не только и не столько в образовательных институтах, сколько в клубных пространствах, и имеют свои формы институционализации и свои инфраструктуры (клубы, ассоциации, сообщества, группы) ...

Современный процесс антропосинтеза ведет к складыванию определенных личностных типов самореализации и самообразов. В настоящее время складывается антропная цивилизация. Это такое состояние общества, в котором движущими силами развития и мотивации являются культурно-психологические рефлектирующие личностные смыслы, ценностные самообразы, личностные образцы и другие психотехнические и телесные реальности...

Ядро самообраза — реальности сознания и воли и воплощения их в практиках самостановления и самоидентификации. Каждый самообраз — это образ человека в его личностной целостности. Это условие сохранения человеком своей личностной идентичности. Напрямую он не создается. Но ему необходимо создавать условия, формировать направления, способствовать неким тенденциям. С этим связана необходимость проведения культурно-ценностной политики в разных горизонтах (экотехническом, профессиональном, институциональном). При прове-

дении такой политики осуществляется процесс инкультурации, вхождения в наличное тело культуры новых значимых содержаний (образов, персонажей, символических и энергетических комплексов). Как результат инкультурации происходит построение личностного тела, внутренним содержанием которого является проделывание опыта самостоятельного строительства. Происходит сопряжение тела культуры и тела личности, роста культурного тела и личностного роста. Эту сопряженность можно понять и ухватить через акты «процепции», то есть предвосхищения встречи и создания нового личного мира. Собственно процепция выступает неким специфическим аналогом режима проектирования, выбрасывания себя вперед, которое осуществляется как прожектно-иконическое схватывание, прояснение и воплощение жизненных ценностей и их устроение. Тем самым через процепцию человек может предвосхищать новые ценности культуры, выступать на горизонт культуры, становясь действительно ее создателем и зиждителем»¹.

Конечно, концепция О. Генисаретского сложная, и вряд ли на ее основе можно построить простые и операциональные схемы. Но она для этого и не предназначена. Ее задача — вывести нас на правильное видение реальности, которая, действительно, достаточно сложная. И кстати, политика, а не социально-инженерное действие указывается Генисаретским в качестве социального действия. Здесь политика, конечно, понимается иначе, чем у Арндт: по Генисаретскому, политика должна учитывать и разные типы личности, и различные практики, и собственную работу человека как личности в отношении себя. Тем не менее, это все же политика, а не социальная инженерия.

Думаю, нельзя не остановиться на еще одной точке зрения (антропологической концепции), которая рассматривается в докладе.

¹ Новые идентичности человека. Анализ и прогноз антропологических трендов. С. 40–42.

В этой концепции утверждается, что человек переходящее существо, и он должен уступить свое место более совершенным творениям. Эту концепцию развивает Михаил Эпштейн, который «считает, что в силу смены самой природы человека, в силу того, что природ человека много, что человек все более выходит за пределы своей биосоматики, необходимо говорить о некоей новой “гуманологии”, лежащей в русле уже существующего течения трансгуманизма, или *posthuman studies* в англоязычной литературе. Гуманология предлагается здесь в качестве некоего синтеза теории и практики трансформации человеческой природы в процессе создания человеком различных искусственных форм собственной жизни и разума. В этом смысле мы должны уже говорить не о человеке, а о неких гуманоидах, разных формах и видах гуманоидной жизни, среди которых собственно привычный человек — лишь один из видов, причем уже уходящий. Человек — вид исчезающий. По поводу человека, пишет М. Н. Эпштейн, впору думать о создании заповедников для него, его следует заносить в красную книгу... Тем самым идея заботы о человеке переходит из разряда психотехник и психопрактик в область экологии...

Если антропология изучает человека как часть биосферы, как высшую и последнюю форму ее эволюции, то гуманология изучает человека уже как гуманоида, точнее его новые формы, как часть техносферы, в которой привычные человеческие формы жизни исчезают. В техносфере человек интегрируется в разные технические и искусственные формы существования. Человек как бы вырастает в технику, которую сам и создал. Гуманология имеет дело с неким кентавром — человеко-машинными созданиями, в которых человек технизируется, а техника очеловечивается. Гуманология — это экология человека, но вместе с тем и антропология машины, то есть наука о взаимном перераспределении их функций, о технизации человека и гуманизации техники... Техносфера есть последняя инстанция, последняя действительность культурного

цикла в развитии человека. После нее наступает новый миф нового человека. Если мы его поставим, то будем жить. Если нет — будем пребывать в мире киборгов-гуманоидов»¹.

Концепция Эпштейна явно эзотерическая. Сторонники трансгуманизма убеждены, что обычный человек по сравнению с современными машинами несовершенен, причем кардинально. Один из лидеров этого движения привел мне следующие аргументы: человек устает, а машина нет, человек действует медленно, а машина быстро, человек ненадежен в смысле здоровья и выносливости, а машина свободна от этих недостатков, и главное — человек смертен, а машины можно создавать и совершенствовать вечно. Я понял, что трансгуманисты совершенно не принимают идею смерти человека и надеются за счет развития науки и техники продолжить индивидуальную жизнь в бесконечность. Ну да, издержки есть, соглашаются они, плата требует отказаться от привычного нам образа человека, однако, на это стоит пойти ради бессмертия и совершенства индивидуальной жизни. «Под воздействием технического прогресса, — пишет А. Бондарь, — биовид *sapiens* в третьем тысячелетии неизбежно эволюционирует в новый вид человека под названием «*homo kubernetike organon*» (человек киборг) ... это не зомби, а реальный живой человек, жизнь которого обеспечивается кибернетическими органами, позволяющими ему выйти на качественно новый социальный уровень самосознания. Имеется в виду, что такой человек через вложенную в него программу способен будет обрести и самосознание «марсианина», и обладать, если это нужно будет человечеству, марсианскими легкими и прочими качествами инопланетянина»².

В манифесте трансгуманизма мы читаем: «Постчеловек (*posthuman*) — это потомок

¹ Там же. С. 38–39.

² Бондарь А. В. Основоположения и главные проблемы социальной философии техники инженерии. Хабаровск, 2001. С. 204, 210.

человека, модифицированный до такой степени, что уже не является человеком. Многие трансгуманисты хотят стать постлюдьми... Постлюди могут оказаться полностью искусственными созданиями (основанными на искусственном интеллекте) или результатом большого числа изменений и улучшений биологии человека или трансчеловека. Некоторые постлюди могут даже найти для себя полезным отказаться от собственного тела и жить в качестве информационных структур в гигантских сверхбыстрых компьютерных сетях»¹.

Помимо фантастичности самого замысла (вряд ли дорожные карты трансгуманистов можно реализовать не только в ближайшем, но и в более отдаленном будущем), стоит проанализировать, как здесь понимается человек и техника. Достаточно просто: человек — это биологическое существо, а техника позволяет заменять все органы человека, вплоть до мозга. Однако современные исследования в философии техники и антропологии рисуют совершенно другую картину. Человек исходно не только биологическое и техническое существо, но и социальное и семиотическое. Поясню, в каком отношении он существо техническое. Человек, даже архаический, не говоря уже о современном, представляет собой технику. Действительно, как только ребенок начинает осмысленно действовать, он должен научиться пользоваться самыми разными орудиями; даже, чтобы сильно ударить мяч ногой, последнюю нужно превратить в своего рода молоток (животное это не умеет). При этом биологическое тело становится основой для формирования *телесности*. Тело и телесность — это не одно и то же.

Говоря о теле, мы имеем в виду или естественно-научный взгляд (тело как биологический и физиологический организм), или эстетический, или, наконец, практический (обыденное понимание тела). В психологии рассматривается не само тело, а определен-

ные изменения сознания, связанного с телом, например нарушение схемы, границ или ощущений тела. Категория телесности стала вводиться, с одной стороны, под влиянием культурологии и семиотики, где обнаружили, что в разных культурах тело понимается и ощущается по-разному, с другой стороны, в результате нового понимания понятий «болезнь», «боль», «организм» и др. (оказалось, что это не столько естественные состояния тела, сколько присваиваемые (формируемые) и переживаемые человеком культурные и ментальные концепции). Все эти исследования заставляют развести понятия тела и телесности, связав с последней процессы, понимаемые в культурно-семиотическом и психотехническом залеге.

Телесность — это новообразование, конституированное поведением, то, без чего это поведение не могло бы состояться, это реализация определенной культурной и семиотической схемы (концепта), наконец, это именно телесность, т.е. модус тела. В отличие от тела, которое лишь растет и затем стареет, телесность претерпевает самые необычные изменения. Органы телесности могут в течение жизни рождаться и отмирать (в соответствии со сменой и жизнью психических структур и функций), пространственно они могут накладываться друг на друга и проникать друг в друга (например, рот как телесная основа для поцелуя, речи, питания и как элемент эстетического образа лица). У человека могут складываться (рождаться, жить и отмирать) и более крупные единицы телесности — тела, например «тело любви», «тело мышления», «тело общения», «эмоциональное тело», «тело летчика», «тело композитора», «тело каратиста», «тело танцора» и т.д. В этом смысле уже не кажутся неправдоподобными и такие выражения, как «ментальное тело», «эфирное тело», «астральное тело». Вероятно, духовная, эзотерическая практика предполагает открытие соответствующих «тел», включающее изобретение, реализацию эзотерической идеи, концепции, а также психотех-

¹ Бостром Н. (<http://www.Nicbostrom.com>). С. 5–6.

ническую работу, направленную на выращивание соответствующих тел.

Однако целым во всех случаях выступает не биологический план и даже не телесный, а личностный и социальный. В рамках культуры, социальных отношений, собственных концепций (Я-концепций) человек конституирует и свою телесность и поддерживает или нет свое здоровье. Но вернемся к трансгуманистам.

Да, они эзотерики, верящие в существование «постчеловека», который будет превосходить нас во всех отношениях. Но понимают они и человека и постчеловека и технику, как уже отмечалось, традиционно. Разве, когда человек начинает носить очки или ему поставили искусственный клапан в сердце (пусть даже мы возводим эти технические возможности в энную степень), он становится иным и поднимается на следующую ступень развития? Уверен, что нет. Мозг — это мышление и психика, хотя их материальный субстрат, а скорость обработки информации не дает автоматически новых идей. Но сделаем все же шаг навстречу трансгуманистам и в жанре воображаемых событий и возможного диалога рассмотрим подробнее, как могли бы развиваться события в случае реализации их замысла и дорожных карт (далее излагается фрагмент из философского романа автора «Проникновение в мышление», где главный герой Марк Вадимов с помощью своего умершего друга Николая Дзена встречается сам собой в будущем; рассказ идет от первого лица, Марка Вадимова).

Разговор о тяжелой болезни близкого друга запустил во мне мысли о смерти, и меня в очередной раз настигло уныние перед неизбежностью конца (я в это время я отдыхал в Пансионате, принадлежавшем Академии Наук). Ну почему, думая, мы так переживаем. Кто знает, сколько лет я еще проживу. Может быть, тридцать, а возможно, я скончаюсь за-

втра от какого-нибудь инфаркта или несчастного случая. И почему не переживает юноша, с которым я сижу за одним столиком вот здесь в Пансионате, а ведь он ведет себя безрассудно, как ненормальный, и вряд ли долго протянет в нашем безумном мире. Но тут же сам себе возразил. Юноша полон сил и энергии, ему кажется, что все еще впереди, он многого не испытал, для него каждое впечатление и событие — новое, наконец, он уверен, что его смерть или вообще не наступит, или, если и придет, то так не скоро, что все равно это для него не реальность. А для меня смерть — давно уже реальность.

В этом месте своих размышлений я вспомнил споры биологов и философов о теоретической возможности в отдаленном будущем обновлять основные органы человека, не исключая нервной ткани, а также мозга, то есть возможности сделать человека бессмертным. Невольно я также вспомнил, что в реальности своих сновидений или того, что их напоминало, я не так давно путешествовал в мирах прошлого и будущего. Интересно было бы, подумал я, поговорить с кем-то в мире будущего о том, смогли ли люди стать бессмертными? Для этого, решил я, путая явь и сон, нужно встретиться с Николаем Дзеном. Поймав себя на этом противоречии, я засмеялся, но от желания встретиться с Николаем не отказался. Ведь я знал, исходя из собственной концепции сновидения, что нереализованное желание может спровоцировать сон, в котором такая встреча может произойти.

С Николаем я встретился даже быстрее, чем ожидал. Толчок, вероятно, дало застолье в честь дня рождения моей жены Наташи и запутанный спор с одним из гостей под рюмку коньяка о проблемах жизни и смерти. После гостей я долго не мог заснуть, но когда это произошло, то один за другим пошли сновидения. Потом я спал спокойно, а затем увидел Николая. Я решил сразу взять быка за рога.

— Николай, — окликнул я Дзена, — не мог бы ты провести меня в мир будущего, где люди стали бессмертными?

— Почему нет, — спокойно ответил Николай. — Но то, что Вы называете смертью, просто не существует. Однако давайте руку.

Николай повернулся и шагнул в оранжевое марево, увлекая меня за собой.

— С кем ты хочешь поговорить? — услышал я в своей голове.

— Думаю, что с самим собой, зачем беседовать о смерти с чужим человеком.

— Хорошо, — ответил Николай, — оставляя меня одного в комнате, мало говорящей о том, в каком времени мы оказались.

Через секунду в комнату вошел человек, совершенно на меня не похожий, тем не менее, я почему-то точно знал, что это я сам, каким буду через несколько тысячелетий. Мы произнесли несколько незначущих фраз, явно присматриваясь друг к другу. Было странное ощущение абсолютной нереальности и, одновременно, невозможно было отрицать происходящее.

— Сколько вам лет, — спросил я, обращаясь к себе через бездну времени, — и как Вас называть?

— Можете называть Марком. Я не имею возраста, последнее мое воплощение, семьсот первое, произошло около ста лет тому назад.

— Что значит воплощение, Вы верите в реинкарнацию? — с удивлением спросил я.

Марк усмехнулся и затем вежливо с так хорошо мне знакомым моим собственным выражением ответил.

— Воплощением мы называем прерывание текущей жизни и трансформацию ее в жизнь новую. Я вижу, Вы не понимаете, могу пояснить, но для этого требуется время.

— Буду вам признателен, — попросил я, — я не спешу.

— Эта история довольно долгая. В течение третьего тысячелетия удалось полностью решить проблемы пересадки органов — сердца, почек, печени, селезенки, легких и прочее, а также замены скелета и мышечной ткани. Большую роль здесь сыграли инженерия искусственных органов, клонирование органов, биопластика, генетическое перепрограммирование и другие открытия.

В четвертом, пятом и шестом тысячелетии решалась задача пересадки и замены нервной ткани и отделов головного мозга. Как правило, это вело к сдвигам психики и потери личности, но после работ Питермана и Кельсона удалось создать техники программирования и адаптации, которые позволяли сохранять идентичность личности без существенных повреждений и трансформаций. К седьмому тысячелетию человек уже мог жить практически бесконечно. Но здесь выяснилось, что, если его психика и личность периодически не обновляются, то существование человека становится невыносимым.

— Почему, — с интересом спросил я, — теоретически ожидая примерно такого развития событий.

— Как Вам сказать. Представьте себе, что вы прожили сто, двести, тысячу лет. Все повторяется, все ваши задачи решены, причем несколько раз, груз вашей памяти стал невыносим, сформировавшиеся привычки как гири на ногах тянут вас назад, ничто уже не может вызвать вашего удивления. Перед человеком встала альтернатива: или сознательно прекращать свою жизнь или научиться обновлять ее. Одни люди предпочли первое, другие — второе.

— То есть, Марк, Вы хотите сказать, что многие люди в вашем мире заканчивают свою жизнь, как и мы?

— Нуда, примерно две трети человечества предпочитает обычную смерть. Только третья часть живут, подобно мне. Но Вы, Марк, ведь Вас тоже так зовут, должны правильно понять — большой разницы нет. Ведь и я много раз умирал.

Я помялся, но потом все же спросил.

— Не хотите ли Вы сказать, что у Вас от меня, точнее Марка Вадимова, ничего нет? Как это может быть?

— Я, конечно, знаю, — вежливо разъяснил мой собеседник, что с Марка Вадимова в далеком прошлом начался старт нашего семейства, ведь сохранились хроники и программы. Тем не менее, должен вас Марк огор-

чить, действительно, от вас самого во мне ничего нет.

— Почему? — спросил я, не очень впрочем, огорчившийся. О чем-то подобном я уже догадывался.

— Дело в том, — стал объяснять Марк, — что новое воплощение предполагает полный демонтаж старой личности и формирование новой, причем последнее растягивается на несколько десятков лет. Демонтаж старой личности нельзя понимать как перепрограммирование, биологическое стирание. Демонтаж — это психотехнический процесс и своеобразное умирание, не менее драматичное, чем обычное умирание, известное в вашем времени. К тому же, как правило, его нельзя сделать одному. Умиряющего обслуживает целая бригада. Суть демонтажа — перестройка пирамид психических реальностей, что достигается путем проведения человека через серию жизненных катастроф. В конце этого туннеля пирамида психических реальностей, на которой стоит личность, распадается, вытесняется, а с ней исчезает память и ряд других фундаментальных психических способностей. Хотя внешне, биологически человек не меняется.

— А что можно выбирать и новый пол? — почему-то спросил я, хотя на самом деле это меня мало интересовало, я был уверен в положительном ответе.

— Естественно, — ответил Марк, — я сам, по-моему, не меньше сотни раз выбирал женский пол. Но понятно, что для этого требуются предварительные биологические коррекции.

— Получается, что в вашем мире нет понятия биологической смерти, но есть смерть как психический и духовный феномен. Наверное, изменилась и семья, и образ жизни человека, и основные социальные институты?

— Вы Марк, правы, семьи в вашем понимании у нас нет. Хотя любовь и совместная жизнь людей разного или одного пола играют даже большее значение, чем в ваше время. Самое трудное для нас — выбрать тот или иной

тип жизни и развития, ведь они могут быть самыми разными. Чуть легче решить, нужно ли продолжать жить или уже пора уходить со сцены жизни.

Неожиданно появился Николай, быстро поклонившись Марку, он увлек меня прочь из комнаты. Я даже не успел попрощаться и поблагодарить одно из своих будущих продолжений.

— Закрываются переходы между мирами, мы должны спешить, — объяснял на ходу Дзен. Возьмите мою руку...

Когда я полу проснулся, сновидение уже начало распадаться и улетучиваться. Усилим воли я окончательно стряхнул с себя ночной сон, чтобы закрепить в памяти интересное путешествие в будущее. Расплата не замедлила последовать, началась бессонница, снова я заснул только под утро¹.

Подведем некоторые итоги. На мой взгляд, проделанный здесь анализ показывает, что подход от социальной инженерии, человека вообще, преобразования не выдерживает критики. Альтернатива — рассмотрение интересующей нас темы с точки зрения личности и политики. При этом все равно нужно решать проблему отношения «личность — общество — массы», «политика — массовое социальное действие». Эта проблема встала еще в античности, вероятно, впервые для Платона. Будучи утопистом, в том плане, что считал вначале аргументы разума неотразимыми, причем для всех, Платон по мере неудач в политике пришел к другому убеждению: для масс нужны законы и устрашение. «Должно быть, уже очень скоро, — пишет Х. Арндт, — Платон обнаружил, что истина, а именно такие истины, которые мы зовем самоочевидными, понуждает ум, причем это понуждение, хотя

¹ Розин В. М. Проникновение в мышление: История одного исследования Марка Вадимова (методологический роман) М., 2002, 2006.

оно ненасильственное, сильнее, чем убеждение или аргумент. Однако с принуждением через разум есть проблема: ему поддаются лишь немногие, и поэтому возникает вопрос о том, как обеспечить, чтобы многие (т.е. люди, множество которых, собственно, и составляет политический организм) могли подчиняться тем же истинам. Здесь, конечно, необходимы иные средства принуждения»... В «Государстве» Платон «затрагивает самую глубинную причину конфликта между философом и полисом. Он рассказывает о том, как философ теряет способность ориентироваться в человеческих делах, как его взор поражает слепота, как его ставит в тупик неспособность сообщить об увиденном (о том, что душа видела до своего рождения — небо, богов, идеи. — В.Р.) и как это оборачивается реальной опасностью для его жизни. Именно оказавшись в этом тупике, он обращается за помощью к тому, что он видел, к идеям, делает их мерилami и эталонами (речь у Арендт идет о том, что вначале идеи Платон понимает как «свет истины», но затем как *нормы поведения*, адресованные другим людям. — В.Р.) и наконец, в страхе за свою жизнь использует их как орудия власти... Платон рассказывает довольно пространные истории о наградах и воздаяниях в загробной жизни: он надеялся, что многие воспримут их буквально, и завершал большинство своих политических диалогов тем, что советовал немногим рассказывать эти истории многим. Учитывая, как сильно эти истории повлияли на представления об аде в религиозной мысли (вот уж, поистине, ад вымощен благими намерениями. — В.Р.), нелишне отметить, что изначально они были придуманы для сугубо политических целей»¹

Особая проблема, крайне актуальная для нашего времени, каким образом политика, общество и личность существуют и практикуются в условиях обособления от общества государства и его институтов, а также дей-

ствия достаточно эффективных социальных «практик вменения» (идеологии, пропаганды в СМИ, запугивания и контроля со стороны силовых структур и прочее). Для России это обычный социальный фон, но и для Запада распространенные практики. В результате государству и властным элитам удается поставить под свой контроль общественные движения, направленные на изменения существующего социального порядка и отношений. Можно привести один интересный пример: во что вылилось движение за социальную справедливость, инициированное Солом Алинским в США. «Если попытаться оценить эффективность экспериментов Алинского и его последователей в отношении заявленных ими вначале целей, — пишет Жешко, — т.е. посмотреть, в какой мере эксперименты и начатое им движение *social organizing* привело к ожидаемым им результатам, то здесь, как я пыталась показать, Алинского бы ждало сильное разочарование. Он, как исследователь и экспериментатор, заметил это отчасти сам в последней главе «Правил».

Эксперименты, начатые во имя развития местной демократии, подорвали самые основы демократии на местном уровне. Отстранение (выпадение) рядовых американцев от политической жизни в конце XX века стало еще более массовым, чем в 1960-х. В заметной степени снизилась роль организаций, таких как профсоюзы, политические партии, добровольные организации в демократическом процессе, а именно в прямом представительстве интересов ее членов. Одновременно резко повысилась роль этих же организаций в манипулировании коллективными средствами и мнением своих членов. Руководство организаций типа ACORN с самого начала вело прямой диалог, поверх голов ее членов, с крупными политическими игроками — государством, партиями и большим бизнесом. Предложенная Алинским модель вовлечения граждан в решение своей судьбы через организации и формула демократии как «организации организаций» оказались не способными решить

¹ Арендт Х. Что такое авторитет // Между прошлым и будущим. С. 163, 166–167, 169.

эту задачу. Одна из причин непригодности его модели, как показал опыт ACORN, состоит в том, что члены организаций быстро теряют контроль над собственной организацией и превращаются в её пешек. Организации, созданные Алинским и его последователями, оказались захваченными и контролируруемыми той же самой «номенклатурой» что и социальные институты»¹

Принципы методологии подсказывают, что корректная реализация антропологического подхода предполагает рефлексивную и демонстрацию представлений о человеке, которые исповедует исследователь или философ. Я утверждаю, что не имеет смысла размышлять о человеке вообще (такого феномена для положительного мышления, наверно, не существует), зато есть различные дисциплины, где используются вполне определенные представления и концепции человека, и на основе

этого делаются конкретные выводы. Вот эти области и проблемы в них и требуется осмысливать и изучать. Например, имеет смысл антропологическая проблематика в философии техники, в учении о телесности, в осмыслении тьюторской педагогики и во многих других областях знания и практики. Но эта проблематика везде разная и обсуждается она на основе разных концепций человека. Можно обсуждать методологию исследований в этих областях, но вряд ли онтологию человека как такового. Такая онтология может не существовать вообще, или мы еще не доросли до ее обсуждения. Поэтому проанализируем конкретные антропологические исследования, осмыслим их и тогда, возможно, придет черед обобщениям и конфигурированию. Но может и не придет, все зависит от того, что мы поймем к этому времени. Как говорится, давайте поспешать, не торопясь.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арндт Х. Что такое свобода // Между прошлым и будущим. М., 2014.
2. Арндт Х. Что такое авторитет // Между прошлым и будущим.
3. Библер В. С. «Образ простеца и идея личности в культуре средних веков» // Человек и культура. М., 1990.
4. Бондарь А. В. Основоположения и главные проблемы социальной философии техники инженерии. Хабаровск, 2001.
5. Бостром Н. ([http:// www. Nicbostrom.com](http://www.Nicbostrom.com)).
6. Давыдов Ю. Н. «Общество» // НФЭ. Т. 3. М., 2001.
7. Жешко (Браун) И. Модель организации Сола Алинского // Философия управления: методологические проблемы и проекты. ИФРАН. М., 2013.
8. Леон-Портилья М. Философия нагуа. М., 1961. Новые идентичности человека. Анализ и прогноз антропологических трендов. Антропологический форсайт. Аналитический доклад. Новосибирск: НГУЭУ, 2013.
9. Розин В. М. Проникновение в мышление: История одного исследования Марка Вадимова (методологический роман) М., 2002, 2006.
10. Розин В. М., Голубкова Л. Г. Парадоксы современности или дефицит как форма власти // Культура культуры. 2014. N4.
11. EU FOREN Guide. <http://stra.teg.ru/library/global/Prognoz/foresight/>
12. (<http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1373814-echo/#element-text>).
13. <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1380744-echo/>).

¹ (Жешко (Браун) И. Модель организации Сола Алинского // Философия управления: методологические проблемы и проекты. ИФРАН. М., 2013).

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Arendt Kh. Chto takoe svoboda // Mezhdru proshlym i budushchim. M., 2014.
2. Arendt Kh. Chto takoe avtoritet // Mezhdru proshlym i budushchem.
3. Bibler V. S. "Obraz prostetsa i ideya lichnosti v kul'ture srednikh vekov" // Chelovek i kul'tura. M., 1990.
4. Bondar' A. V. Osnovopolozheniya i glavnye problemy sotsial'noi filosofii tekhniki inzheneriata. Khabarovsk, 2001.
5. Bostrom N. ([http:// www. Nicbostrom.com](http://www.Nicbostrom.com)).
6. Davydov Yu. N. «Obshchestvo» // NFE. T. 3. M., 2001.
7. Zheshko (Braun) I. Model' organizatsii Sola Alinskogo // Filosofiya upravleniya: metodologicheskie problemy i proekty. IFRAN. M., 2013.
8. Leon-Portil'ya M. Filosofiya nagua. M., 1961. Novye identichnosti cheloveka. Analiz i prognoz antropologicheskikh trendov. Antropologicheskii forsait. Analiticheskii doklad. Novosibirsk: NGUEU, 2013.
9. Rozin V. M. Proniknovenie v myshlenie: Istoriya odnogo issledovaniya Marka Vadimova (metodologicheskii roman) M., 2002, 2006.
10. Rozin V. M., Golubkova L. G. Paradoksy sovremennosti ili defitsit kak forma vlasti // Kul'tura kul'tury. 2014. N4.
11. EU FOREN Guide. <http://stra.teg.ru/library/global/Prognoz/foresight/>
12. (<http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1373814-echo/#element-text>).
13. <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1380744-echo/>).